

A cinematic still from a film. In the center, a man with a beard, wearing a grey hooded coat, looks off to the side. He is surrounded by several figures in dark, featureless robes. Three of these figures are visible, each holding a small, glowing, ornate object. The scene is set in a narrow, foggy street between tall, grey buildings.

Сергей (Вождь)

Те,
кого
забывают

Сергей (Вождь)

Те, кого забывают

<https://litres.ru/74525294>

SelfPub; 2026

Аннотация

В граде, затянутом вечным туманом, люди начинают забывать своё имя, а следом — лицо матери и путь к собственному дому. Говорят, это хворь; шепчут, что проклятие. Но бывший судебный писарь Маркус Вейр знает: за этим стоят не духи, а люди в тёмных рясах, что носят кольца с камнями цвета гнилой воды.

Они зовут себя Хранителями порядка, и искусство своё берегут двести лет: гриб, растущий на мёртвом дереве, шёпот особой частоты и прикосновение — вот их орудия. Память они снимают, как плащ: тихо, без крика, и человек остаётся жив, но пуст, как кувшин без воды.

У Маркуса нет меча, но есть перо и пергамент — а бумага не забывает. С ним идут те, кто решился не молчать: аптекарь, знающий травы; дочь судьи, не пожелавшая закрыть глаза; наёмник, видевший эти приёмы на войне; и диакон, что носил кольцо, а ныне готов свидетельствовать.

Их путь лежит к Молчаливому лесу и часовне у пересохшего ручья. Но протоколы в городе уже переписаны, а двери закрываются перед теми, кто спрашивает слишком много.

Содержание

Глава 1	4
Те, кто молчат	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сергей (Вождь)

Те, кого забывают

Глава 1

Те, кто молчат

День ни как не хотел наступать.

Рассвет был какой-то серый, водянистый. Туман пришёл с реки ещё до рассвета и лёг на город, как мокрая простыня на лицо умирающего. Он не рассеивался к полудню, не уходил к вечеру. Он просто был — плотный, тихий, пахнувший речной тиной и дымом, от которого негде было спрятаться. Узкие улочки между домами превратились в коридоры из мутного молока, и люди шли по ним, вытянув руки вперёд, как слепые.

Над городом кружили вороны, одиночки — чёрные точки на сером небе. Они кружили над крышами, над колокольной, над тюремной площадью, и никто не помнил, когда они появились. Может, неделю назад. Может, две. Они просто стали частью неба, как облака.

Старая кухарка на рынке говорила, что вороны чувствуют смерть. Её никто не слушал. На рынке вообще было шумно

— торговки перекрикивались, скрипели телеги, собаки лаяли на прохожих, — и слова старухи тонули в этом гаме, как камень в реке. Но те, кто слышал, отворачивались. Не потому, что не верили. Потому что верили — и боялись.

Маркус Вейр шёл к зданию суда через нижний квартал, и сапоги его скользили по мокрой брусчатке. Он знал эти улицы наизусть: каждый уклон, каждый поворот, каждую выбоину, в которой собиралась грязная вода. Он родился здесь, вырос здесь, и за тридцать восемь лет не научился к ним привыкать. Город не позволял. Город менялся — не камнями, а воздухом. Что-то в нём стало тяжелее за последние месяцы, будто невидимая рука медленно выкручивала невидимый жгут, и каждый чувствовал это, но никто не говорил вслух.

Город, который молчит, — страшнее города, который кричит.

Маркус знал это лучше других, потому что его работа состояла в том, чтобы слушать. Следователь суда — не судья и не палач, а тот, кто стоит между ними, кто собирает слова, взгляды, улики и складывает из них картину, которую потом показывают другим. И за десять лет он научился слышать то, что люди не произносят. Паузы. Запинки. Слишком быстрый ответ на слишком сложный вопрос. Слишком спокойное лицо при слишком страшной вести.

Сегодня должно было быть спокойно. Дело кузнеца Эрхарда — мелкое, бытовое, такое разбирали каждую неделю.

Неподобающие речи, отказ платить церковный налог. Десять шиллингов штрафа или неделю под замком, и забыть. Маркус давно перестал волноваться из-за таких дел.

Но он волновался. И не мог понять, почему.

Здание суда стояло на пересечении двух улиц — тяжёлое, приземистое, из тёмного камня, который почернел от времени и сырости. Стены его были толстыми, окна — узкими, как бойницы, и свет, который пробивался сквозь них, казался не естественным, а выданным неохотно, будто здание не хотело делиться тем, что происходило внутри. Над входной дверью был выбит герб города — щит с крестом и топором — и вода, стекавшая по камню, текла прямо по топору, отчего тот всегда был мокрым и тёмным, будто в крови.

Маркус поднялся по ступеням и остановился у двери. Изнутри доносились голоса — глухие, неразборчивые. Он положил руку на холодную железную ручку и на секунду задержал дыхание. Воздух здесь был другим — тяжелее, гуще, с привкусом воска и чего-то ещё, что он не мог назвать. Не запах, а скорее тяжелое ощущение, будто кто-то давно и незаметно сгустил атмосферу, сделал её плотнее, и теперь она давила на грудь.

Он открыл дверь и вошёл.

Зал суда пах сыростью, воском и старым потом. Каменные стены впитывали каждое слово и отдавали его обратно искажённым эхом, и от этого даже обычные фразы звучали зловеще, будто говорящий имел в виду нечто иное. Потолок

был низким для такого большого помещения — тяжёлые каменные своды нависали над головами, и высокому человеку хотелось втянуть шею в плечи.

Скамьи для зрителей были заполнены наполовину. Люди сидели тихо, сложив руки на коленях, и смотрели не на судью, а в пол. Это было странно. Обычно на судах было шумно: перешёптывания, возмущённые вздохи, иногда выкрики. Сегодня — тишина. Такая, какая бывает в церкви перед началом службы, когда все знают, что сейчас произойдёт что-то важное, но никто не знает, что именно.

Маркус сел на скамью у левой стены. Он знал этот зал наизусть. Выбоину в полу у второй колонны, где когда-то упал тяжёлый подсвечник и никто не удосужился заделать трещину. Пятно на стене за спиной секретаря, похожее на силуэт руки с растопыренными пальцами — будто кто-то приложил ладонь к камню и оставил след. Трещину в каменной плите у входа, которая тянулась от пола до середины стены — прямая, как удар топора. Маркус однажды спросил у старого привратника, откуда она. Привратник посмотрел на него странно и сказал, что это было давно до его назначения. Больше Маркус не спрашивал.

Судья Конрад Ротманд сидел за столом на возвышении — тяжёлый, седой, с лицом, вырубленным из того же камня, что и стены. Годы оставили на нём глубокие морщины, но не сделали его мягче. Наоборот — обтесали, убрали всё лишнее, оставив только кости и волю. Он был похож на старый дуб,

который пережил столько бурь, что перестал бояться ветра, и теперь просто стоит, потому что не умеет падать.

Маркус знал его двенадцать лет. Ротманд был справедлив — в том смысле, в каком справедливым может быть человек, который вершит чужие судьбы и не сомневается в своём праве. Он не был жесток, но был безжалостен: если закон требовал наказания, он наказывал, и его не трогали ни слёзы, ни мольбы. Маркус уважал его и одновременно боялся, потому что человек, который никогда не сомневается, — опасен. Он может ошибаться, но никогда не признает этого, и его ошибка станет чьей-то судьбой.

Рядом с судьёй сидел представитель епископа — молодой священник с тонким лицом и быстрыми, бегающими глазами. Маркус видел его впервые. На нём была чёрная ряса, простая и строгая, но ткань была тонкой, дорогой — не местная. На пальце — кольцо с тёмным камнем, не золотое, но и не оловянное. Кто бы он ни был, он был не из простых. Маркус отметил это про себя, не зная ещё, что это будет важно.

Поодаль, у правой стены, стоял секретарь — маленький, лысый, вечно потеющий человек по имени Фридрих, который записывал всё, что говорилось в зале, и чьи записи потом расходились по архивам, чтобы лежать там в темноте и молчании, как мёртвые. Фридрих не поднимал глаз от пергамента. Перо его скрипело ровно, без пауз, будто он записывал не слова, а само время.

— Введите обвиняемого, — произнёс судья. Голос его

был низким и ровным, без интонации, как у колокола, который бьёт в один и тот же тон, и не важно, по ком.

Дверь у дальней стены открылась, и двое стражников ввели Эрхарда.

Кузнец был высоким, широким в плечах, с руками, привыкшими к молоту и наковальне. Но сейчас он казался меньше — будто кто-то сдул его изнутри, и от большого сильного мужчины осталась только оболочка. Лицо его было серым, не от страха, а от усталости. Он не спал — это было видно по тёмным кругам под глазами и по тому, как он шёл: тяжело, с усилием, будто каждый шаг давался ему ценой усилия, которого раньше не требовалось.

Его посадили на скамью перед судьёй. Эрхард не оглядывался, не искал взглядом сочувствующих. Он смотрел прямо перед собой — в одну точку на стене, где не было ни пятна, ни трещины, просто голый камень, и в его взгляде было что-то, от чего Маркусу стало не по себе.

Это был не страх. Безднадёжность.

Маркус видел страх много раз — у воров, у убийц, у невиновных, которым грозило то, чего они не заслужили. Страх бывает разным: истеричным, тихим, злым, молящим. Но безнадёжность — это когда человек знает, что конец неизбежен, и не пытается его избежать. Он просто ждёт. Эрхард ждал.

Судья открыл свиток и начал читать. Маркус слушал вполуха: стандартные формулировки, стандартные обвинения.

«Неподобающие речи о власти церковной», «отказ от уплаты установленного налога», «пренебрежение к установленному порядку». Всё это он слышал десятки раз. Одно и то же, в одних и тех же словах, будто все преступления были одинаковыми и все люди, их совершившие, были одинаковыми.

Но сегодня что-то было иначе.

Маркус понял что именно, когда судья произнёс фразу, которую обычно пропускал: «...и поскольку обвиняемый был замечен в общении с лицами, находящимися под подозрением...»

Лицами, находящимися под подозрением. Какими лицами? В протоколе предыдущего допроса — Маркус читал его вчера — этого пункта не было. Кто-то добавил его после. Кто-то, кто хотел, чтобы дело Эрхарда выглядело серьёзнее, чем оно было.

Маркус поднял глаза на священника рядом с судьёй. Тот сидел неподвижно, сложив руки на столе, и смотрел на Эрхарда. Лицо его было спокойным — слишком спокойным, с выражением, которое Маркус видел у людей, которые знают больше, чем говорят, и довольны этим знанием.

— ...заклЮчить под стражу до следующего заседания, — произнёс судья. — Следующее заседание назначено на пятницу.

Пятница. Четыре дня. Маркус считал автоматически: четыре дня в тюрьме, в подвале, в сырой камере. Для здорового человека — неприятно, но терпимо. Для человека, который

не спал последние ночи и выглядел так, будто его держат из последних сил, — может оказаться слишком долго.

Эрхард не отреагировал. Он встал, когда стражники тронули его за плечо, и пошёл к двери тем же тяжёлым шагом. У двери он остановился, а будто его остановила невидимая рука. Он обернулся, и на мгновение его взгляд нашёл Маркуса в толпе.

В его взгляде не было мольбы. Не было вопроса. Было что-то, что Маркус не сразу узнал, потому что редко видел: прощание. Так смотрят люди, которые знают, что больше не вернутся.

Эрхард отвернулся и вышел. Дверь закрылась за ним с глухим стуком, и звук этот прошёл по залу, как трещина по стеклу.

Тишина.

Люди на скамьях зашевелились, зашептались, но тихо, будто боялись нарушить что-то хрупкое. Маркус остался сидеть, глядя на закрытую дверь. Ему нужно было понять, что только что произошло. Не с Эрхардом — с залом. Почему люди молчали. Почему смотрели в пол. Почему в их тишине было что-то, похожее не на почтение, а на стыд.

— Следователь Вейр.

Голос судьи прозвучал неожиданно близко. Маркус поднял глаза. Ротманд стоял у стола, и лицо его было таким же каменным, как всегда, но в глазах — в глазах, которые обычно были холодны и пусты, как зимнее небо, — мелькнуло

что-то. Не тревога. Что-то более глубокое, что Маркус не успел разобрать, потому что судья тут же отвёл взгляд.

— Вы удовлетворены?

— Да, ваша честь, — ответил Маркус. — Дело закрыто до пятницы.

— До пятницы, — повторил Ротманд. И добавил тише, так, чтобы слышал только Маркус: — Следовательно, я рассчитываю на вас.

Это было необычно. Ротманд никогда не говорил «я рассчитываю на вас» — он отдавал приказы и не пояснял их. «Я рассчитываю» означало, что он волнуется. А Ротманд не волновался. Ротманд был камнем, а камни не волнуются.

Но что-то сегодня сдвинулось. Что-то маленькое, почти незаметное, будто трещина в стене, которая была всегда, но вдруг стала на волосок шире.

Маркус кивнул и вышел.

В коридоре было пусто и темно. Факелы на стенах горели неровно, и тени ложились странно — не так, как должны были, будто свет что-то скрывал, а не показывал. Маркус шёл к выходу и считал шаги. Он всегда считал шаги в этом коридоре: семь от зала до поворота, двенадцать от поворота до двери, три от двери до ступеней. Ритуал, который помогал держать мысли в порядке. Сегодня шаги звучали иначе — глуше, будто под камнем появилась пустота, и звук проваливался в неё.

У выхода его догнал секретарь Фридрих. Маленький, лы-

сый, запыхавшийся, с пергаментом, который он прижимал к груди, как ребёнок прижимает куклу.

— Следователь! — окликнул он шёпотом, хотя в коридоре кроме них не было никого. — Следователь, вам нужно это видеть.

Он протянул пергамент. Маркус взял и развернул. Это была запись сегодняшнего заседания — быстрая, торопливая, с кляксами и исправлениями. Фридрих писал быстро, но аккуратно, и Маркус привык к его почерку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.